

Актуальные вопросы мордовского языкознания, Саранск 1988
(ТМордНИИ, вып. 94, серия лингвистическая). 156 с.

Статьи рецензируемого сборника посвящены вопросам фонетики, морфологии и синтаксиса, авторами их являются ученые сектора мордовских языков Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева и Педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Три статьи посвящены проблемам фонетики мордовских языков. Д. Т. Надькин, «Проблема редуцированного гласного и особенности развития ударения в мордовских языках» (с. 3—11), пытается решить проблему редуцированных гласных в мордовских языках. После анализа характерных для редуцированных гласных позиций в мокшанском языке он высказывает сомнения по поводу их древности. Тщательно проанализировав точки зрения В. Штейнница, Х. Паасонена, Д. В. Бубриха, В. И. Лыткина, Д. Казанцева, Д. Т. Надькин выдвигает тезис о вторичном характере мокшанских редуцированных гласных. Об этом свидетельствуют слова, утратившие первый слог, и другие случаи переразложения основы. Предполагается, что раннеэзянский и раннемокшанский вокализм непервого слога идентичен по двум признакам: 1) все гласные были полного образования; 2) кроме широких гласных, в непервом слоге были возможны лишь *и*, *і* (*і̄*). Д. Т. Надькин приводит новые аргументы против теории Х. Паасонена и Д. В. Бубриха, согласно которой в прамордовском языке ударение было мокшанского типа, а огласовка непервых слогов — эзянского. Он допускает, что фиксированное ударение того типа, что в мокшанском языке, — явление также вторичное и что редуцированный гласный в мокшанском появился именно в связи с возникновением и утверждением фиксированного ударения. Д. Т. Надькин высказывает свои соображения и относительно прамордовского вокализма, которому по его мнению, были присущи отсутствие фиксированного ударения, отсутствие редукиции гласных (все гласные были полного образования), в первом слоге, кроме широких гласных, выступали *и, *і (**і̄*).

О. Е. Поляков, «К проблеме губно-губного *ω в мордовских языках» (с. 55—60), утверждает, что в общемордовском языке уже не было самостоятельной губно-губной фонемы и лишь в определенных позициях употреблялся губно-губной вариант губно-зубного *υ. По мнению автора, современный мордовский губно-зубной *υ* в целом ряде случаев восходит к финно-угорским глухим смычным *p, *k, а также к носовому заднеязычному *ŋ. О. Е. Поляков полагает, что возникновение губно-зубной артикуляции перед нелабиализованными гласными вызвано консонантным характером предвокалического губно-губного *ω*, а исчезновение губно-губного *ω* перед лабиализованными гласными связано с качеством этого спиранта. В статье утверждается, что образуемый при отсутствии взрыва и близкий по интенсивности глосовых связок к лабиализованным гласным *ω тяготеет к слиянию с ними, т. е. артикуляция губно-губного *ω* совпала с артикуляцией лабиализованного гласного.

Статья В. П. Цыпкайкиной «Лексикализованные фонетические особенности говоров эзянского языка (на материале глагола)» (с. 69—80) посвящена нерегулярным фонетическим особенностям эзянских говоров. На основе материала разных эзянских говоров выделяются типы лексикализованных фонетических особенностей, связанных с 1) отпадением / сохранением первого слога слова; 2) особой огласовкой первого слога слова; 3) дифференцированной глагольной основой (*a*-овая в противовес не-*a*-овой); 4) их консонантным характером. В. П. Цыпкайкина стремится выяснить причину фонетических изменений в слове: одни диалектные явления отражают более древнее состояние языка, другие представляют собой «обратные» смены или переходы, третьи — остатки регулярных процессов. Ее внимание привлекают слова, имеющие несколько лексикализованных фонетических черт, причины появления которых трудно определимы.

Д. В. Цыганкин, «Эволюционные изменения морфологических элементов в истории мордовских языков» (с. 12—20), анализирует процессы исчезновения и новообразования на морфологическом уров-

не в мордовских языках. По его мнению, эволюционные изменения были возможны в разные периоды начиная с предстепени прамордовского языка и кончая общезырянской и общемокшанской эпохами. В статье выявляются и морфологические элементы, восходящие к домордовскому периоду, например, суффикс комитатива морд., мар. *-нек*. К тому же периоду (т. е. финно-волжскому) предположительно отнесено фонетическое преобразование притяжательного суффикса 3 л. ед. ч. и осложнение его суффиксом мн. ч. *-т*, восходящим к соответствующему финно-угорскому суффиксу мн. ч. мордЭ *кудо-ст* (< *кудо-мс ... к*) 'их дом, их дома', мар. *пõртишт* то же.

Автор отмечает, что в ходе развития общемордовского языка морфологические элементы претерпели значительные изменения не только в плане выражения (формы), но и в плане содержания (значений). Прамордовский инвентарь морфологических элементов развивался на основе унаследованных от финно-угорского языка-основы базовой структуры морфологии — морфемки — и морфологических средств, усложнивших исходную позицию. На примере имени и глагола раскрываются наиболее распространенные способы образования новых морфологических элементов: 1) агглютинация с последующей морфологизацией второго компонента грамматикализованного сочетания слов (второй компонент — служебное слово (послелог) или местоимение, указательное); 2) слияние в единую морфему двух (реже трех) прежних морфологических элементов; 3) смещение прежних морфологических элементов с общими категориальными значениями и на их основе возникновение новых. Этот способ имел, по мнению автора, широкое распространение при образовании лично-притяжательных и глагольных суффиксов. Четырехсерийная система лично-притяжательных аффиксов прамордовского языка, по утверждению автора, оказалась нежизненной. Функции показателей обладаемого и обладателя стерлись, стали компонентами лично-притяжательных новообразований — главным образом суффиксами обладателя, в некоторых же рядах совсем исчезли. Этот процесс привел к тому, что прежние суффиксы унифицировались по образцу либо единственного, либо множественного числа, что создало

своеобразное противоречие между планом выражения и планом содержания; 4) перераспределение морфемного состава внутри словоформы: благодаря этому способу инвентарь морфологического состава пополнился новыми элементами словозменительного характера; 5) переосмысление прежнего морфологического элемента.

Р. В. Бабушкина, «Способы выражения категории собирательности в системе волжско-финских языков» (с. 21—35), рассматривает средства выражения собирательности в мордовских, марийском, коми-зырянском, финском и эстонском языках. Автор замечает, что категория собирательности в мордовских языках тесно связана с категорией числа; различие между этими категориями не семантическое, по мнению автора, а грамматическое. Множественное число имени — это словозменительная категория, собирательное же имя — категория словообразовательная. В качестве основного способа выражения собирательности признается морфологический. Большая роль при этом отводится парным именным словосочетаниям, компоненты которых бывают осложнены рядом формантов. Значение собирательности может передаваться, по Р. В. Бабушкиной, другими сочетаниями: 1) существительное + местоимение в комитативной форме; 2) существительное + местоимение мн. числа; 3) числительное + числительное в начальной форме; 4) числительное + числительное + числительное с суффиксом сравнительного падежа; 5) существительное + существительное. Р. В. Бабушкина отмечает, что собирательность передается формами множественного и единственного числа, в отличие от других языков в мордовских оттенок собирательности более рельефно выступает в формах множественного числа, комитативных образованиях, имени с формантами *нал, пяль, пель, пула (пуло)*.

В статье П. С. Кудяева «Малораспространенные случаи употребления генитива в мордовских языках» (с. 128—132) поставлена цель: расширить диапазон синтаксического употребления родительного падежа в мордовских языках. Известно, что генитив употребляется в функции определения и прямого объекта. На основе тщательного анализа мордовских текстов автору удалось показать иные функции генитива: в качестве обстоятель-

ства, в сочетании с деепричастиями, причастиями, с некоторыми формами причастий в функции словесного атрибута, в функции косвенного дополнения, а также и в функции субъекта действия.

А. Д. Артемова, «Семантика форм с элементом *-деря / -дяря* в мордовских языках» (с. 120—128), рассматривает происхождение и употребление форм условного наклонения глагола, раскрывает тончайшие оттенки значений этих форм, семантическое сходство их, роль в формировании условных предложений. Подробно раскрываются оттенки значений, выражаемые с помощью частицы *деряй*. По предположению автора, в образовании условных предложений приняла участие некая частица, чтобы отделить условие от обуславливаемого. На основе показателей условности в мордовских, марийском и венгерском языках автор пытается связать частицу *-деря / -дяря* с образованием форм условного наклонения. Она считает, что *-деря / -дяря* образована из сочетания отрицательно-усилительной частицы *-de*, присущей волжской языковой общности, с суффиксальным элементом *-ar / -er* финно-угорского происхождения.

Т. М. Тихонова, «Передача характера глагольного действия в эрзянском языке» (с. 133—139), показывает разные способы выражения значения глагольного действия, причем наиболее продуктивен, по ее мнению, морфологический. В статье анализируются суффиксы, выражающие многократность, мгновенность, длительность, начинательность, завершенность глагольного действия, раскрываются условия их употребления. Интересно наблюдение автора над употреблением в одной глагольной форме нескольких показателей способов действия: длительности и многократности, мгновенности и многократности, начинательности и длительности. Объяснение автора: эти показатели не связаны с выражением определенных синтаксических отношений, отличаются от показателей морфологических категорий, в которых одному отношению соответствует один показатель. Внимание ее привлекают и контекстивные средства, которые наряду с иными используются для выражения способа действия.

В статье «О некоторых системных явлениях в мордовских языках» (с. 81—85) Л. И. Тураева анализирует систему со-

гласных, склонение существительных, неглаголы в позиции сказуемого. Автор пишет о нереализованности системы, которая проявляется в том, что некоторые факты не охватываются парадигмой, выпадают из системы. Нереализованность системы связана и со строением самих парадигм, наличием дефектных парадигм и моделей — образцов.

С. И. Липатов и Н. С. Алякин, «Числительное в мокшанском литературном языке и диалектах и проблемы его орфографии» (с. 86—94), ставят проблемы, возникающие при изучении числительного в школе и вузе. В статье представлены все разряды числительных, рассмотрено происхождение их форм, раскрыты закономерности употребления. Авторы подчеркивают, что развитие языка требует выработки четких норм правописания.

Всесторонне рассматриваются местоименные формы в статье Н. А. Агафоновой «Вопросительно-местоименные формы и их функционирование в смешанных мордовских говорах Куйбышевской области» (с. 140—148). Автор показывает пути развития вопросительных местоимений с основами на *ки-*, *ме-*, *ко-* в различных диалектных подсистемах, особенности функционирования местоименных форм в условиях разных языковых систем.

Три статьи сборника посвящены синтаксису. Научные интересы Р. Н. Бузиковой связаны с вопросами синонимии мордовских языков, в первую очередь лексической — «Проблемы синонимии субстантивных словосочетаний в мордовских языках» (с. 36—54). Она анализирует именные словосочетания с точки зрения их образования, употребления, стилистических возможностей. Выделены словосочетания с зависимым существительным в основной форме и с основным словом — отглагольным существительным, показаны грамматические формы, при помощи которых они создаются, отмечены смысловые различия этих словосочетаний. Исследование проводится на материале художественных произведений мордовских писателей.

Ю. С. Юфкин, «К проблеме категории вопросительности в мокшанском языке» (с. 61—68), выявляет основные и специфические средства оформления вопросительного предложения, подчеркивает роль структуры каждого вида такого

предложения, приводит модели общеобразовательных и частновпросительных предложений, определяет функции вопросительных слов и частиц. По мнению автора, наряду с вопросительными словами и частицами большую роль при выражении вопросительности играет интонация, порядок слов в предложении.

Н. Н. Воробьева, «Союзные сравнительные конструкции в мордовских языках» (с. 106—119), дает обзор компаративных групп с различными союзами, классифицирует сравнительные конструкции в зависимости от категориальной принадлежности заглавных словоформ и союзов. Анализ формальной репрезентации компаративной группы с тем или иным союзом позволил автору обнаружить как типологические, так и индивидуальные свойства компаративных союзов. Уместно было бы рассмотреть в связи с этой темой и происхождение союзов, степень их распространенности в той

или иной компаративной группе и синонимические возможности.

В статье А. М. Гребневой «Семантические типы мордовских фитонимов, образованных в результате прямого осмысления признаков» (с. 101—105) рассматриваются флористические названия с точки зрения их номинации. Классификация проведена на материале говоров мордовских языков.

Две статьи связаны с методикой преподавания языков в школе и вузе: Н. А. Щанкина, «Развитие познавательной активности учащихся-мордвы начальных классов в процессе овладения русской речью» (с. 95—101), Н. Н. Гаваева, «Диагностика текста и ее практическое значение» (с. 149—154).

По мнению рецензента, было бы целесообразно расположить материалы в сборнике более последовательно соответственно разделам языка.

М. В. МОСИН (Саранск)

Вопросы марийского языка. Актуальные проблемы литературного языка. Сборник статей, Йошкар-Ола 1989 (Марийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева). 120 с.

Рецензируемый сборник подготовлен на основе материалов Республиканской научно-практической конференции по проблемам развития, изучения и преподавания марийского языка и литературы в условиях марийско-русского двуязычия, состоявшейся 20—21 марта 1987 года в Йошкар-Оле. Кроме того, сектор языка МарНИИ и редколлегия сборника (отв. редактор Н. И. Исанбаев, члены редколлегии А. С. Ефремов и Г. С. Патрушев) сочли необходимым включить в него и статью Н. И. Исанбаева «Основные итоги работы финно-угроведов Марийской АССР за период с 1980 по 1987 год», тесно связанную с тематикой конференции и конкретизирующую содержание доклада И. С. Галкина.

Участниками конференции было заслушано и обсуждено шесть докладов и 18 сообщений. Выступления, посвященные вопросам преподавания марийского

языка и литературы в вузе и школе, в данный сборник не вошли. Открывает его небольшое предисловие (с. 5—6), которое содержит необходимую информацию о работе конференции и ее рекомендациях.

В статье И. С. Галкина «Марийское языкознание: основные итоги и задачи» (с. 7—15) рассматривается путь развития марийской лингвистической науки за последние 25—30 лет, анализируется степень разработанности проблем языкознания и определяется комплекс его первоочередных задач. С точки зрения автора, перед марийскими языковедами стоят следующие неотложные задачи: 1) всесторонне изучить принципы марийской орфографии и внести в нее коррективы; 2) составить новый более полный орфографический словарь марийского языка; 3) провести исследование марийского литературного произношения и подготовить